

У1: Когда сомневаешься, плачь

"Ты не должен был этого делать", - пробормотал Питер. "Ты должен уйти. Правда."

"Разве я похож на человека, который хочет пойти на душный званый обед с манерами, вилками и светскими беседами?" Ремус насмеялся, протягивая свой помятый горохово-зеленый свитер, который был слишком велик для его маленького роста. Это совсем не выглядело официально, и, кроме того, Ремус просто не обладал аристократической осанкой и манерами чистокровных Джеймса и Сириуса. "Ты действительно думаешь, что я из тех людей, которые носят парадные мантии и сидят тихо?"

"Да. Ты любишь манеры. Похоже, ты как раз из таких".

"Ну, это не так. Я бы предпочел провести тихую ночь с тобой. К тому же, единственная причина, по которой Слизнорт хочет меня там видеть, это..." Я оборотень. "Мой отец. Он был довольно знаменит; избавился от Визжащего Бугая из Страттулли. Я ничего такого не сделал".

"Хм." Питер развел руками и вздохнул. "Ты хочешь уйти. Я знаю, что хочешь".

Ремус задумался над этим. Питер часто очень хорошо угадывал эмоции других людей. Правда была в том, что Ремус действительно хотел провести некоторое время с Сириусом и Джеймсом и посмотреть, на какие выходы они способны. Он не хотел, чтобы Слизнорт потом столкнулся с ним и спросил, почему он не пошел. Он думал, что общение может оказаться полезным и благоприятным для его будущего. Он хотел посмотреть, какая у них еда, и, возможно, доказать Слизнорту, что он нечто большее, чем его ликантропия... Но он не хотел, чтобы его... собирали, как какой-то образец. Он не хотел, чтобы на него пялились. Он не хотел, чтобы на него обращали больше внимания, чем он уже получал. И он определенно не хотел, чтобы Слизнорт спотыкался о предлоги, чтобы пригласить его, или, что еще хуже, случайно раскрыл его секрет остальным членам Клуба слизеринцев.

"Я действительно хочу посмотреть, чем занимаются Джеймс и Сириус, - медленно произнес он, - но я думаю, что они расскажут нам обо всем позже, не так ли? По правде говоря, Питер, я не люблю внимания. А этот Клуб слизней - просто способ Слизнорта завязать хорошие отношения с людьми, у которых знаменитые семьи, показушные таланты или которые могут быть популярны. Я не заинтересован в общении. Я бы, наверное, все испортил. И я не хочу быть известным благодаря... тому, что сделал мой отец. Я хочу сделать свое собственное наследие, понимаешь? Может быть, вообще ничего стоящего не сделать".

"Все хотят что-то сделать стоящее!"

"Я не хочу. Я просто хочу... закончить Хогвартс, правда". Это вряд ли случится, Ремус знал. "Я хочу получить образование. Завести друзей. Получить опыт. Я не знаю, что я буду делать после, но я хочу только хорошей жизни". Как будто так и должно было случиться. "Это все, что я могу сделать, правда. Я не хочу уходить. Ты мне веришь?"

Питер изучал лицо Ремуса, и Ремус на секунду испугался, что тот читает его мысли. Питер иногда пугал его. "Да, я полагаю".

"Отлично. Пока мы здесь... Я имел в виду, насчет помощи тебе в учебе. Если хочешь."

"О, хочешь? Пожалуйста, помоги! Я совсем не понимаю Репаро!"

"Ты с первого раза сделал это очень быстро! Раньше, чем я, помнишь?"

"МакГонагалл помогла мне. Но я никак не могу сделать это во второй раз. Пожалуйста, помогите!"

Ремус разорвал кусок пергамента на две части. "Покажи мне, на что ты способен".

Конечно, Питер не смог повторить заклинание. Ремус стоял рядом и подбадривал его, как мог, но все усилия Питера оказались тщетными. "Попробуй... покрутить палочкой еще немного". Питер попробовал, но ничего не произошло. "Представь, что пергамент будет восстановлен". Ничего. "Думай об этом так, как будто это самая простая вещь в мире". Ничего.

"Как ты это сделал?" воскликнул Питер, явно расстроенный.

"Я... э... мне нравится изучать теорию. Как это было изобретено, как это работает, этимология, все такое. Это помогает мне взглянуть на это с более логичной точки зрения. Это помогает мне отступить на шаг назад и перестать слишком много думать... как будто это не мои собственные способности накладывают заклинание... это проверенная и испытанная формула, которая должна сработать, несмотря ни на что. Требуется некоторое время, чтобы обрести уверенность, но в итоге я могу произносить заклинание довольно правильно. Ты знаешь, кто его придумал?"

"Нет! Конечно, не знаю!" Питер с каждой секундой становился все более взволнованным.

"Хорошо. Давайте сначала изучим это. И Питер: успокойся. Все в порядке. Я уже говорил тебе, что сам я не очень умен. Все заучивание произошло из-за многих лет, проведенных в дома... из-за моей матери. Я учился, потому что больше нечем было заняться. Я не думаю о тебе хуже; то, что ты знаешь немного меньше меня, означает лишь то, что у тебя была гораздо более веселая жизнь".

"Я ненавижу твою мать", - нахмурился Питер.

"Питер!" выругался Ремус. Несмотря на то, что мать Ремуса не была больна, Ремус чувствовал себя ужасно ошеломленным заявлением Питера. По какой-то причине ему показалось, что Питер оскорбил мать самого Ремуса, а не какую-то выдуманную фантазию о больной маме, у которой нет сына-оборотня.

"Я не могу представить, как можно все время торчать внутри. Зачем ты был ей нужен? Ты всего лишь ребенок! Ты не можешь ее спасти".

Ремус задумался, сможет ли он заставить себя заплакать. Это заявление казалось как раз тем, над чем нормальный ребенок мог бы заплакать. Он представил, как умирает его мать. Ничего. Эта женщина была здоровее его. Он представил себе Фенрира Грейбэка. Он представлял себе полнолуние за полнолунием. Он представлял, как останется бездомным и одиноким, как Питер узнает его секрет и возненавидит его, как ему придется покинуть Хогвартс, сбежать из подвала и убить свою семью...

"О нет, Ремус! Прости меня! Я не хотел заставлять тебя плакать! Я перегнул палку; прости. Я просто... твоя жизнь кажется ужасной. Это несправедливо со стороны твоей матери заставлять тебя оставаться дома с ней. То, что ее жизнь поставлена на карту, не значит, что она должна забирать твою".

Ремус не осознавал, что плачет. Плакать оказалось легче, чем он думал. Он не позволял себе плакать уже очень давно, разве что в полнолуние. Он поднес руку к лицу и вытер слезы, оставив рукав джемпера влажным. "Она не заставляет меня, Пит. Я сам этого хочу. Это трудно.

Ты не сможешь понять, пока сам не окажешься в такой ситуации. Она убеждала меня уйти из дома, но я... Я просто не мог. Я знаю, это иррационально. Но не все было так плохо; я люблю читать". Голос Ремуса дрожал, и он почти задыхался от сдерживаемых рыданий. Он был уверен, что история звучит очень реалистично, и мысленно похлопал себя по спине. "Давай... вернемся в Репаро, хорошо?"

Питер кивнул, и Ремус снова протер глаза. Ужасные образы, которые он заставлял себя представлять, все еще заполняли его голову: он полагал, что зашел слишком далеко. "Почему меня всегда получается вести с тобой глубокие и содержательные разговоры?" - спросил он с насмешливым раздражением.

"Просто со мной легко разговаривать", - гордо ответил Питер.

"Так и есть", - согласился Ремус. "Это один из твоих многочисленных талантов. Эй, почему бы тебе не попробовать произнести заклинание еще раз? На мой джемпер. Я проделал дырку на рукаве".

"Ты уверен? Я могу случайно превратить тебя в тыкву".

Ремус засмеялся. "Думаю, из меня получилась бы очень хорошая тыква".

Питер решительно сдвинул брови, а затем направил свою палочку на рукав Ремуса. "Репаро!" - с силой сказал он. Ремус изо всех сил старался не вздрогнуть.

Это не было быстро; на самом деле, джемпер Ремуса, казалось, не хотел исправляться... но пряжа, тем не менее, связалась сама собой. У Питера открылся рот. "Я сделал это!"

"Конечно, ты сделал! Я знал, что ты сможешь! Я уверен, что ты сможешь сделать это с пергаментом, теперь, когда ты сделал это во второй раз. Третий раз не помешает, обещаю".

Питер улыбнулся каламбуру и без труда склеил пергамент. "Спасибо, Ремус!"

"Не так быстро, хотя я очень горжусь тобой. Нам еще предстоит изучить историю. МакГонагалл говорила об этом на уроке, и я уверен, что это будет на тесте".

Питер застонал. "Ты говоришь как моя мать".

"Может, мне ущипнуть тебя за щеки, испечь пирог и назвать тебя лапусиком?"

"Моя мама ничего этого не делает".

"Как скажешь, лапусик. Это заклинание было изобретено Орабеллой Наттлей, которая была сотрудницей отдела по борьбе с неправильным использованием магии в Министерстве магии..."

Ремус изо всех сил старался сделать историю заклинания запоминающейся. Он говорил разными голосами для разных персонажей - Питер считал, что его женский голос для Орабеллы был очень забавным. Он разыгрывал некоторые роли. Он рисовал картинки. Он заставлял Питера повторять важную информацию. Когда все было сказано и сделано, лица Ремуса и Питера покраснели от смеха, и Питер теперь знал все, что нужно знать о Репаро.

"Теперь, когда ты знаешь больше, чем Джеймс и Сириус, чары должны быть проще простого. Попробуй еще раз".

"Репаро". Пергамент исправился, и Питер усмехнулся. "Кажется, у меня получилось!"

"А я добавлю!" - сказал Ремус, который ухмылялся не меньше Питера. "На будущее, Папирус Рераго лучше работает с пергаментом. Простой Рераго работает хорошо, но в будущем он будет легче рваться."

"Конечно, профессор Люпин".

Ремус вздрогнул. "Никогда больше не называй меня так, лапусик".

"Правда, Ремус! Когда-нибудь ты мог бы стать учителем! За всю свою жизнь я не понимал больше ни одного заклинания!"

Ремус чуть не рассмеялся. Профессор-оборотень? Этого никогда не случится. "Да, нет. Мне не нравится работать с людьми. Я бы предпочел скучную, одинокую офисную работу".

В этот момент в комнату ворвался Джеймс. Ремус отметил, что от него пахло мороженым. "Слизнорт не пригласит Сириуса ещё раз", - сказал он, задыхаясь. "И меня, наверное, тоже".

"Не могу сказать, что я удивлен", - проворчал Ремус. "Сколько наказаний он заработал?"

"Ни одного, но он потерял пятнадцать баллов для Гриффиндора. Ты должен был прийти, Ремус; это было так весело. Чем ты тут занимался? Ты выглядишь так, будто плакал".

"Плакал? Пш, нет. Здесь не плачут". Ремус посмотрел на Питера, и Питер чуть не упал от возбуждения и веселья, вызванного общим секретом. "Но мы так смеялись, что плакали".

"Почему?"

"Изучение заклинаний - это весело. Вам стоит как-нибудь попробовать".

Джеймс странно посмотрел на них. "Я в этом искренне сомневаюсь. В любом случае..."

Сириус пронесся по коридору и врвался в Джеймса. "Дай мне рассказать!" - закричал он.

Остаток вечера прошел в драматическом воссоздании мороженого, которое Сириус левитировал под стол на белое платье Аманды Фитц, ложки, которую он уронил на мантию Снейпа, его творческих оскорблений в адрес Слизерина и интересных оттенков красного, в которые окрасилось лицо Слизворта.

Ремус смеялся так, что не мог дышать. Так прошел весь вечер.

И что еще лучше, никто не усомнился в этом, когда он переодевался в туалете, хотя он был единственным, кто все еще делал это. И это тоже хорошо. Ему не очень-то хотелось заставлять себя плакать во второй раз, хотя это замечательно отпугивало людей.

Воскресенье прошло как в тумане книг и посещений библиотеки Хогвартса, которая действительно была великолепна, как и описывала мадам Помфри. Ремус никак не хотел уходить (его выманивали только перспективой поесть). Мадам Пинс он не очень нравился, и Ремус мог сказать, что она знала о его состоянии, как только он вошел в библиотеку... но ничего не сказала ему прямо. Она не вмешивалась в его дела, пока он там сидел.

Зелья в понедельник были настоящим испытанием. Звуки и запахи были просто ошеломляющими, у Ремуса немного болела голова, а взгляд Слизворта был оглушающим. Они

варили Противоядие от общих ядов, и запах ягод омелы заполнил нос Ремуса настолько, что сосредоточиться было очень трудно. Однако волчьей язвы не было. Время от времени Ремус слышал, как Снейп отпускал язвительные шутки, а Лили смеялась. Он пытался присоединиться к ним, но каждый раз, когда он спрашивал Лили, что смешного, она лишь пренебрежительно отмахивалась рукой и хихикала.

С Питером было трудно работать, так как он никогда не читал инструкции. В какой-то момент он забыл добавить Стандартный ингредиент перед кипячением зелья - им пришлось начинать все сначала, и это вызвало разочарованный взгляд Слизнорта. Ремус, у которого от сенсорной перегрузки разболелась голова и который чувствовал себя раздражительным и волчьим, решил притвориться, что не может найти другого безоара, и остался в кладовой зелий еще на четыре с половиной минуты, чтобы успокоиться.

Вдохните через нос. Выдох через рот... Он уловил запах Снейпа и тут же перестал дышать.

"Ты там уже давно, Люпин. Что ты делаешь? Разговариваешь с ингредиентами для зелий или что? Мы с Лили уже закончили первую часть нашего зелья".

Ремус задумался, почему у него такая легкая голова, а потом вспомнил, что он - живое существо, которому нужен кислород. Он сделал вдох. "Тогда почему ты здесь?"

Снейп, казалось, задумался. "Правда? Ну, Поттер и Блэк испортили мне настроение, и я хочу испортить его тебе, чтобы свести счеты".

"По крайней мере, ты честен". Не злись, сказал себе Ремус. Ты можешь контролировать себя. Ты сейчас человек, а не животное.

"Итак, я полагаю, ты заварил зелье?"

Питер, а не я, подумал Ремус, но он никогда бы не сказал этого вслух. "Это была ошибка", - сказал он.

"Значит, это был Питер?" - усмехнулся Снейп. "Я не удивлен. Мальчишка настолько туп, что если бы мы уронили его в озеро, он бы утонул на дне".

"Убирайся."

"Прости?"

"Убирайся. Я не хочу с тобой разговаривать".

"Ах, теперь ты знаешь, каково это. Может, теперь ты перестанешь преследовать Лили? Я уверен, что она не хочет с тобой разговаривать, да и я, конечно, не хочу. Или, может, оставишь в покое Поттера, Блэка и Петтигрю? Они не хотят с тобой разговаривать. Ты мог бы просто пойти домой, только я уверен, что твои родители тоже не хотят с тобой разговаривать...".

Пузырь гнева в желудке Ремуса лопнул, и он ответил: "Я не удивлюсь, если ты не нравишься своим родителям, Снейп".

Снейп отшатнулся, и Ремус понял, что попал в точку. Снейп действительно выглядел... искренне расстроенным. Гнев Ремуса тут же рассеялся, и он почувствовал желание извиниться, но не сделал этого. В конце концов, Снейп тоже его задел, не так ли?

Ремус прислушался к дыханию Снейпа, которое становилось все более затрудненным и сердитым. Вдруг Снейп резко вдохнул, словно собираясь заговорить, и Ремус заметил, что он вытащил палочку - он собирался его сглазить, или заклясть, или проклясть - "Обезьяз", - прошептал Снейп, и Ремус инстинктивно пригнулся. Заклинание пролетело над его головой и столкнулось с волчьей травой на верхней полке, разбив банку. Волчья трава упала на пол прямо рядом с Ремусом. Запах заполнил ноздри Ремуса, и он начал задыхаться. Он бросился вон из кладовой зелий, по пути столкнувшись со Снейпом.

Слизнорт пытливо посмотрел на него, но Ремус не остановился на этом. Он вышел из комнаты и пошел прямо по коридору, пока в голове не прояснилось. Снейп знал. Он собирался узнать. Он собирался рассказать всей школе, они заставят Ремуса уйти, они расскажут всему миру, и Ремус никогда не сможет найти работу или жить своей жизнью. Он застонал и сел на скамейку у окна. Его грудь расслабилась, мало-помалу, но беспокойство не давало ей расслабиться до конца.

Прошло пять, десять или даже двадцать минут, прежде чем Ремус почувствовал приближение Слизнорта. Он поднял голову, чтобы встретиться с его пристальным взглядом. "Вы в порядке?" спросил Слизнорт, и Ремус кивнул.

"Да... Простите, сэр".

"Нет проблем, никаких проблем! Мистер Снейп сказал мне, что вы ударились о шкаф и разбили банку. Ничего страшного, конечно".

"Это был... аконит..."

"Волчья язва. Я знаю. Вы в порядке, не так ли?" Слизнорт ожидающе подпрыгивал на своих ногах; это выглядело довольно нелепо.

"Прекрасно. Но я не могу вернуться, а Снейп знает..."

"Снейп ничего не знает. Я сказал ему, что ты случайно проглотил немного. Поскольку волчья трава ядовита для всех нас, это должно быть правдоподобно. Я все убрал. Питер закончил первую часть твоего зелья, и если ты поторопишься, то успеешь закончить его до конца урока".

"...Спасибо, сэр."

"Вы уверены, что с вами все в порядке? Какие именно последствия?"

"Просто почувствовал себя плохо. Но сейчас я в порядке."

"Нет, я имею в виду... именно. Головная боль? Тошнота?"

"Да, но я действительно не хочу об этом говорить. Еще раз спасибо, профессор".

"Ничего, всё нормально! А теперь, пока мы идем обратно, почему бы вам не рассказать мне, почему вы не пришли в клуб слизней? Ваш друг Сириус устроил там настоящий переполох. Жаль, что ты это пропустил".

Ремус боялся этого. "Я не очень хочу в нем участвовать, сэр".

"Почему же?"

"Я и так пропускаю несколько уроков каждый месяц. Я... хочу получить потратить это время,

чтобы... делать школьные задания... и отдыхать". Это не было правдой, но и не было ложью.

"Видишь, именно поэтому я хочу, чтобы ты был в клубе! Тебе суждено совершить великие дела, мой мальчик!"

"Я не хочу быть в особом клубе, сэр. Я не хочу совершать великие дела. Я просто хочу быть настолько нормальным, насколько это возможно". У Ремуса был внезапный прилив вдохновения. "Но... не могли бы вы отдать Питеру мое место? Он гораздо талантливее, чем кажется".

"Питер? Петтигрю?" Рот Слизнорта снова стал похож на рот золотой рыбки. "Я... извините, это довольно... эксклюзивный клуб. У меня есть чутье, когда дело касается таких вещей, понимаете, а с мистером Петтигрю... ну, мое чутье просто не... чувствует".

"При всем уважении, сэр, Питер полон сюрпризов. Дайте ему шанс. Он может сделать что-то чудесное".

Слизнорт, казалось, задумался. "Я подумаю об этом. Оборотень знает лучше, а?"

Ремус вздрогнул. "Наверное".

Они вернулись в класс зелий, и Ремус очень старался не смотреть на Снейпа. Питеру было очень стыдно за то, что он испортил зелье, Ремус чувствовал взгляд Джеймса на своем затылке, а Слизнорт не переставал пялиться. В общем, это был очень неприятный урок - единственным плюсом было то, что зелье Питера и Ремуса оказалось вполне нормальным.

"Что там произошло?" спросил Джеймс. "В кладовой зелий, я имею в виду. Это Снегг тебя толкнул или что?".

Ремус очень не любил Снейпа, поэтому он решил сказать правду. Ну, большую ее часть. "Он использовал заклинание. Я увернулся, и оно разбило банку. Содержимое банки попало мне в рот, и я пошел к мадам Помфри. Но я в порядке".

"Он использовал заклинание на тебе?"

"Да. Обезьяз. Похоже, это произошло от латинского "язык" и английского "замок"...? Так что я предполагаю, что это было сделано для того, чтобы я не мог говорить. Я никогда не слышал о таком заклинании. Интересно, почему он просто не использовал Silencio".

"Вот гад!" - сказал Сириус. "Ты думаешь о том же, о чем и я?"

Ремус посмотрел на его лицо, на котором была ухмылка чистого озорства. "О, нет".

"О, да. Первая выходка Мародеров уже ждёт!".